

Научная статья
УДК 94
DOI 10.47438/2309-7078_2023_1_120

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ КРЕСТЬЯНСТВА ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Иван Александрович Перепелицын¹, Владимир Николаевич Фурсов²

Воронежский государственный педагогический университет^{1, 2}
Воронеж, Россия

¹Аспирант кафедры истории России, тел.: (473) 255-06-67, e-mail: iap98@mail.ru

²Доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России,
тел.: (473) 255-06-67, e-mail: fursow1949@mail.ru

Аннотация. В статье содержится характеристика изменений, происходивших в социальной психологии российского крестьянства в 1860–1890-е гг. Показано, что социально-психологические факторы играли значительную роль в крестьянской повседневной жизни и поведении. На фоне сохранения значения стихийности и бессознательности в настроениях и действиях крестьян, веры в доброго царя, в пореформенный период наблюдался рост крестьянского самосознания, обнаруживалось стремление к коллективной защите собственных интересов с использованием правовых и незаконных методов, выдвигалось требование равноправных свободных отношений, выражалось неприятие действий, оскорбляющих чувство собственного достоинства. В крестьянской среде стали появляться вожаки, обладавшие авторитетом и способные возглавить открытые формы протеста.

Ключевые слова: российское крестьянство, социальная психология, пореформенный период, аграрная история, крестьяноведение.

Для цитирования: Перепелицын И.А., Фурсов В.Н. Эволюция социальной психологии крестьянства Центрального Черноземья в пореформенный период // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2023. № 1. С. 120–130. DOI 10.47438/2309-7078_2023_1_120

*«Каждый мужик в известной степени кулак, щука,
которая на то и в море, чтобы карась не дремал».*
А.Н. Энгельгардт

Введение

Всестороннее изучение истории пореформенного российского крестьянства невозможно без анализа особенностей его социальной психологии. Одним из первых в исторической литературе данный вопрос поставил Б.Г. Литвак, указавший на наличие массовых источников, позволяющих проследить эволюцию психологии крестьянства, доказавший, что важнейшим проявлением коллективного настроения являлись крестьянские выступления [1, с. 210]. Дальнейшее развитие эти идеи получили в монографии, опубликованной в соавторстве с П.С. Кабытовым и В.А. Козловым и содержащей реконструкцию процесса «освобождения личности крестьянина от патриархальных, крепостнических, капиталистических оков». Особое внимание в ней уделено формированию общественного самосознания крестьян, которые показаны субъектами исторического процесса, а не жертвами обстоятельств. Авторы прошли к выводу,

что глубокие изменения, произошедшие в крестьянском сознании, сделали крестьянство способным к активному отстаиванию своих интересов [2, с. 6, 7]. В.В. Крамник указывал на важность исследования социально-психологической проблематики применительно к истории политических движений. Только при этом, подчеркивал автор, можно понять, что «именно породило протест масс, как ориентация покорности сменялась ориентацией протеста, какие рычаги воздействия на настроения масс играли решающую роль» [3, с. 225]. М.А. Сваране были показаны информационные возможности различных документов и в особенности донесений официальных лиц царской администрации о крестьянских волнениях при изучении социальной психологии крестьян [4, с. 157–166]. Н.М. Дружинин и В.А. Федоров обращали внимание на то, как в результате развития общественно-экономических отношений менялась психология пореформенного крестьянства, почему

«в крестьянине все больше проявлялась двойственная природа мелкого хозяина-землевладельца», «дух солидарности» и былого относительного единства постепенно уходил в прошлое, «уступая место своекорыстному чувству домохозяина, а в зажиточной среде – стремлению к обогащению» [5, с. 122]. Аналогично звучит мысль А.М. Анфимова о том, что уже в 1870-е гг. наблюдались «перемены в психологии пореформенного крестьянства: бывшая общинная солидарность постепенно угасала, уступая место мелкобуржуазному индивидуалистическому чувству мелкого хозяина-землевладельца, а у деревенских верхов – стремлению к стяжательству и обогащению» [6, с. 196]. В.А. Федоров писал о противоречивом влиянии психологического фактора на характер крестьянских выступлений. С одной стороны, «существенный перелом в психологии крестьян делал их борьбу более продолжительной и упорной», но вместе с тем «давление старых патриархально-феодалных традиций, которые консервировали темноту и забитость крестьян, узость их общественного кругозора и религиозно-монархическое сознание» было одной из причин поражения крестьянства в борьбе за землю и подлинное освобождение. В дальнейшем вопрос о месте социально-психологических аспектов в жизни крестьянского «мира» в новейшей историографии исследовался в монографиях М.М. Громыко [7], В.Н. Фурсова [8], Л.И. Земцова [9], В.Б. Безгина [10], О.А. Суховой [11], других историков. Однако указанная проблема по-прежнему остается недостаточно изученной и требует более обстоятельного анализа как на общероссийском, так и на региональном уровне.

Результаты

Объявление Манифеста 19 февраля 1861 г. и соответствующих «Положений», регламентирующих реформу, распространение известий об отмене крепостного права приводят к тому, что «мысль о новой воле глубоко вкоренилась во всех крестьянах» [12, л. 9]. В ходе реализации изменений пришлось столкнуться со своеобразным толкованием крестьянами тех или иных статей «Положений», определявших их взаимоотношения с помещиками: «Они при этом объявляют ни с чем не сообразное притязание и не признают других статей, обязывающих их к принятию некоторых условий» [13, л. 51]. Мировой посредник Воронежского уезда Нечаев сообщал губернатору, что такие статьи производят «замечательно вредное влияние» на крестьянскую психологию, способствуя развитию в ней новых черт [13, л. 51]. Очевидно, что вчерашние крепостные, в какой-то мере осознавая рост собственной значимости, делали попытки заявить о своих правах. «Прогресс в смысле сознания собственного достоинства – несомненный, – писал Н.М. Астырев, хорошо знавший положение дел в деревне благодаря работе волостным писарем в Воронежской губернии, – и впечатление производит преотрадное» [14, с. 128].

В некоторых случаях фиксировалось возникновение трудностей в отношениях крестьян со своими бывшими владельцами. Жандармский офицер из Курской губернии доносил 5 июня 1861 г. в III отделение, что помещицы земли «без помощи вольнонаемного труда убраны быть не могут», в первую

очередь по причине распространения в крестьянской среде «нерасположения к прежним своим владельцам» [15, л. 28]. Стало замечаться стремление крестьян показать свое равноправие с бывшими господами: «Крестьяне, – отмечалось в документах III отделения, – верят в свое равносильное право с помещиками и хвалятся иногда тем», что сами помещики без крестьян окажутся беспомощными [16, л. 4]. Положение изменилось, в некоторых случаях крестьяне начинали предъявлять помещикам официальные коллективные претензии. В Нижнедевицком уезде Воронежской губернии крестьяне во главе с волостным старшиной явились к помещице Е.В. Янович, чтобы по жалобе дворовых людей предать ее суду и ограничить количество устанавливаемых ею рабочих дней [17, л. 11 об.]. В меру возможностей, с помощью жалоб-просьб, а то и жалоб-требований, направляемых в разные инстанции, крестьяне стремились отстаивать права, предоставленные им законом. Временнообязанные помещиков Фоминых Корочанского уезда Курской губернии в сентябре 1864 г. жаловались в губернское присутствие, хотя и безрезультатно, на то, что их переселяют из с. Старина в с. Большое Городище. Указывая на ст. 75, 85, 86 «Местного положения», они требовали от помещиков либо построить за «свой счет на означенных местах новые строения, все обзаведения», либо выдать по 250 руб. на каждый двор, подлежащий переселению, разрешить пользоваться своими огородами, конопляниками без всякого платежа [18, л. 4–4 об.].

Был зафиксирован целый ряд судебных исков от крестьян к бывшим помещикам, направленных на получение большего количества земли. В июне 1869 г. в отчете в III отделение из Воронежской губернии сообщалось, что «крестьяне стали прибегать к помощи различных адвокатов и предлагать им от имени целых обществ огромные вознаграждения, доходившие иногда до 20 тыс. руб. серебром», «многие сельские общества, как например: Ольховатка Острогожского уезда, Алексеевка Бирюченского и Уразовка Валуйского уже возбудили иски против бывших владельцев, и некоторые из них рассматриваются судом, и если хоть один из крестьянских исков разрешится в их пользу, то число тяжущихся значительно увеличится, что не только повредит общему спокойствию, но принесет вред материальный, потому что крестьяне, предпринимая подобные дела, обыкновенно тотчас же перестают вносить повинности и упорство их не имело до сих пор силы только благодаря неуверенности в благоприятном исходе их дела [19, л. 10, 11–12]. В Острогожском окружном суде в 1872 г. рассматривалось дело, в основу которого была положена ситуация: «крестьяне хут. Кулешовка Валуйского уезда завели спор с соседними владельцами за землю в количестве 1 874 десятины, будто бы неправильно от них отчужденную» [20, л. 21]. Имелись и другие судебные разбирательства, инициированные крестьянами [21], что может свидетельствовать о происходивших изменениях в крестьянской психологии. Действительно, крестьяне, обращаясь в губернские присутствия и судебные инстанции, участвуя в рассмотрении дел, должны хоть как-то ориентироваться в законодательстве, обладать

целеустремленностью, твердостью и настойчивостью в отстаивании собственных интересов.

В течение пореформенного периода наблюдалась определенная радикализация поведения крестьян в борьбе за землю и свои земельные права. От просьб и пожеланий они переходили к открытым угрозам и демонстрации готовности к общему возмущению. В ноябре 1899 г. в 1-й Трудюлюбовке Воронежского уезда крестьяне возмутились из-за сокращения владельцем количества сдаваемой в аренду земли и «сначала отдельно стали заявлять неудовольствия и робко высказывать угрозы, а потом и целыми сходами угрожали выжечь экономию» [22, л. 2]. Угрозы крестьян сл. Михайловки Павловского уезда Воронежской губернии переросли «в дневные и ночные нападения на служащих хутора, побои служащих и урядника, стрельяние в служащих и, наконец, разгон служащих под страхом быть убитыми» [23, л. 1]. В отправленной 16 мая 1898 г. телеграмме губернатору владелец земли называл «михайловцев готовыми к поголовному возмущению» [23, л. 2]. Пытаясь утихомирить недовольных, он на сходе неосторожно обратился к ним со словами: «Вы, ребята», чем еще больше усугубил ситуацию, поскольку «тотчас поднялся крик, толпа как один человек взбунтовалась, как бы готовая кинуться на него и грозно загудела: "Какие мы тебе ребята, ребята – дети, а мы седые старики, как ты, мещанин какой-то, смеешь нас так обзывать"». Едва удалось непременно члену успокоить толпу, заставив арендатора взять неудачное выражение назад» [24, л. 44]. Крестьяне остро реагировали, если осознавали, что нарушаются их права, что подмечалось в отношении воронежского губернатора министру внутренних дел 18 июля 1899 г.: «чем дальше, тем больше народ ознакомляется со своим правом и более ожесточается против незаконных действий» [24, л. 40]. В качестве примера приводились разбирательства по факту волнений на х. Колбинском Острогожского уезда, когда один крестьянин сказал становому приставу: «Распускают слух, что нас будут унимать солдатами, теперь такого закона нет, мы теперь вполне свободны, не то, что в старину. Царь нас не стесняет, можно говорить как угодно с господами» [24, л. 40 об.]. Жандармский офицер точно уловил перемены в психологии крестьян Воронежской губернии: «Уже времена изменились, и вместо избитых, раздавленных рабов» помещики встречали в деревне «бодрое молодое поколение, готовое постоять за свои права человека и гражданина» [25, с. 423].

На этом фоне крестьянские общества продолжали сохранять традиционное настороженное отношение к любым внешним воздействиям и вмешательству в жизнь деревни. Н.М. Астырев характеризовал воронежских крестьян следующим образом: это «люди, всем складом своей жизни убежденные, что в каждом эксперименте, над ними совершаемом, в каждой попытке участия в их личных или общественных делах кроется какой-нибудь подвох, какое-нибудь посягательство на их тощий кошелек» [14, с. 90]. Эти оценки могут быть распространены на все российское крестьянство.

В течение всего пореформенного периода в крестьянской среде сохранялось представление, что в

1861 г. они получили «не настоящую волю», что их несправедливо обделили землей и обложили чрезмерными платежами. Борясь за свои права, крестьяне нередко проявляли солидарность, решительность, убежденность в своей правоте, настойчивость и упорство.

Когда в марте 1861 г. вспыхнули волнения в Бобровском уезде Воронежской губернии, то представители власти выражали серьезные опасения по поводу попыток крестьян разных селений согласовывать действия друг с другом. Так, генерал-майор П.К. Мердер сообщал императору: «Связь их между собой доказывается постоянными их сношениями, так что во все время пребывания нашего в Курлаке туда каждую ночь секретно приезжали посланные из Тишанки, а когда мы были в сем последнем имении, то те же сношения были из Новой Чиглы» [26, с. 48].

Весьма вольно повели себя в августе 1861 г. крестьяне в имениях Знаменской волости Малоярославского уезда Орловской губернии, решив, что отбывать повинности в пользу помещика они будут по своему усмотрению, а не так, как указывали бывшие владельцы: «они ставили на десятину сох и борон по одной более прежнего, хлеб возили с поля с двух тягол по две, а не по три подводы, отбывали барщину по три с тягла в неделю и не в те дни, которые помещики назначали, на работу выходили весьма поздно и уходили с работы, когда кому заблагорассудится, нанятых на работу посторонних людей, обругав, прогнали и работать не допустили» [27, с. 87]. Прибывшему с воинской командой жандармскому офицеру они прямо сказали, что «будут так работать, как между собой условились, и требования его исполнять не намерены». Лишь после устроенной порки розгами 12 активистов, «крестьяне просили прощения у мирового посредника и обязались свято исполнять все его приказания» [27, с. 88].

Аналогичное чувство солидарности, единства, настойчивости и решительности обнаружили бывшие крепостные Исленьева, проживавшие в деревнях Приволье и Медвежье Землянского уезда Воронежской губернии. В апреле 1862 г., протестуя против уменьшения их земельных наделов, они «съехали с пахоты отведенного им в надел участка, оставили рассеянный овес на пашне незапаханным, говоря, что пусть все пропадет, но мы не поддадимся» [28, с. 54]. На сходе крестьяне также выказали упорство и непокорность. Выражая мнение всех односельчан, Григорий Алфеев заявил мировому посреднику: «Если бы все это (отрезка земли – авт.) делалось законно, то вы не уговаривали бы нас, а давно поняли нас на штыки» [28, с. 55]. Несмотря ни на какие увещания, продолжая оказывать «неповиновение и упорство», обе деревни, доносил жандармский штаб-офицер губернатору, сочувствовали друг другу и действовали «единодушно, по установленному между собой заранее согласию» [28, с. 59]. Мировой посредник просил губернатора за подобное упорство и непослушание примерно наказать волновавшихся крестьян, так как «остальные имения смотрят и ожидают, что будет с крестьянами деревень Приволья и Медвежьей» [28, с. 55]. Потребовалось вмешательство военной силы, чтобы подавить волнение.

Недовольство условиями освобождения от крепостной зависимости объединяло и сплачивало крестьян. Так, в сентябре 1862 г. в Еленовской волости Богучарского уезда Воронежской губернии крестьянами был проявлен «дух противоречия, настойчивости и дерзкого отречения не только в настоящее время, но и в будущем от всех своих обязанностей» [28, с. 89]. Особенно ярко это проявили крестьяне хутора Ивановки, единогласно заявив, что отказываются работать по уставной грамоте, «а земли ни получать, ни пахать не хотят». По оценке мирового посредника, именно ивановское общество выступило главной силой волнения, а потому «не заслуживает никакого снисхождения, как отличающееся всегдашним своеволием и дерзостью» [28, с. 90]. И в этом случае недовольство было подавлено с помощью войсковых команд.

В рапорте белгородского уездного исправника курскому губернатору сообщалось, что крестьяне слобод Шопиной и Терновки настойчиво отказываются «от платежа не только оброка, но и казенных податей» [29, л. 9 об., 10]. Уговоры приехавшего 20 июля 1866 г. вице-губернатора «были тщетны, и грубая толпа оставалась упорною». Штаб-офицер губернского жандармского управления доносил в III отделение: «дознано было мною, что крестьяне сих слобод дали между собою клятвенное обещание не исполнять никаких требований властей» [29, л. 9 об., 10]. Вице-губернатору пришлось вызывать воинскую команду, и лишь после наказания нескольких человек все платежи были внесены, но волнение продолжалось с перерывами до марта 1867 г.

Упорство и единство проявляли жители слободы Ливенки Бирюченского уезда Воронежской губернии, оказавшие в июне 1871 г. сопротивление производству межевых работ и аресту активных участников выступления. Они не испугались военной команды, а стали угрожать, что «пойдут кровь на кровь» [30, с. 98]. Взвод солдат отступил, выказав свое бессилие против решительных действий крестьян. Тогда сам губернатор прибыл в Ливенку для подавления волнения. «Привел личным влиянием крестьян Ливенки к повинению, межа возобновлена, – телеграфировал он министру внутренних дел, – все спокойно» [31, л. 15].

Подобные выступления показывали возможности объединения усилий сельских обществ, становились предметом обсуждений в округе. Так, сообщая губернатору в конце мая 1888 г. «о постоянно возрастающей дерзости и глумлении крестьян над законами, властями и их действиями» во время беспорядков в Темниковском уезде Тамбовской губернии, имевших место в 1884–1888 гг., судебный следователь утверждал, что все они «действовали по общему уговору», что «политическая власть не в силах прекратить самовольные обыкновенными мерами, а судебной власти трудно и даже невозможно обнаружить виновных, которые совершают самоволия большими партиями и не выдают друг друга» [32, л. 20 об., 21]. Очевидно, крестьяне начинали понимать, что слабость их выступлений состояла в отсутствии необходимой массовости и единства в требованиях и действиях. Делались лишь первые попытки в этом направлении.

Помещичья земля представлялась крестьянам тем средством, которое может значительно улучшить их положение. Властям весной 1885 г. пришлось столкнуться с массовыми и систематическими захватами в Рыльском и Путивльском уездах Курской губернии земель помещика Терещенко. Особенное упорство и решительность проявляли крестьяне сел Глушково и Веселое и деревни Мужичы. «Дух непокорности так глубоко проник в крестьянскую среду этих обществ, – писал курский губернатор министру внутренних дел 27 марта 1886 г., – что они надменно заявляли о нежелании повиноваться не только сельскому, но и полицейскому начальству и о своем решении приступить к ряду противозаконных действий: 1) составить протокол о смене волостных старшин и сельских старост до наступления сроков окончания их службы; 2) к открытому сопротивлению (в с. Веселом) требованию мирового суда о высылке к нему их отставного рядового Борошенко и 3) к завладению предстоящей весной землей г. Терещенко для запашки» [33, л. 8 об., 9]. Для подавления выступлений в Рыльский уезд были направлены значительные силы (8 кавалерийских эскадронов и 6 пехотных батальонов), которые «довольствовались на счет неповиновения обществ». Столкнувшись с таким давлением, крестьяне отступили и 8 апреля 1886 г. заявили, что «захватывать земли не намерены, а будут только ходатайствовать об ней установленным порядком» [34, с. 464]. В тот же день последовало распоряжение о выводе войск из волновавшихся селений.

Крестьяне с. Кукуевки Валуйского уезда Воронежской губернии при отстаивании своих прав и требований секретно собирались за селом в окрестном лесу, а разузнать и предупредить намерения крестьянского общества было невозможно, так как оно «во всех своих действиях, – писал исправник в рапорте губернатору от 25 августа 1892 г., – проявляет примерную выдержку, осторожность, сплоченность, единодушие и решимость, словом, такие свойства, которые могли только выработаться на почве длившихся целые десятки лет поземельных неурядиц и насильственных захватов» [35, л. 17–17 об.].

В конце XIX в. были зафиксированы случаи, когда крестьяне требовали передачи им земель, ранее никогда не находившихся в их пользовании. Так, в Кромском уезде Орловской губернии в конце июня 1899 г. крестьяне потребовали от помещика передать сельскому обществу села Шахова 16 дес., расположенных вблизи населенного пункта. Очевидно, крестьяне испытывали большие неудобства ввиду сложившейся чересполосицы с помещичьими полями, а когда им отказали, то стали косить на этих участках рожь и траву, проигнорировали указания полицейских о прекращении данных незаконных действий. Решившись на выступление, крестьяне были «убеждены, что раз насильственные действия и сопротивление оказано всем обществом, то таковое не может быть ответственно за свои действия и не подлежит суду» [36, л. 7 об.–8]. Исправнику было заявлено, что «добровольно никого не выдадут, если же он желает, то пусть арестует все общество, состоящее примерно из 100 домохозяев» [36, л. 8]. Приводить крестьян в повиновение пришлось самому губернатору,

в село было направлено 2 роты 142 пехотного Звенигородского полка. Уговоры прекратить выступление и выдать зачинщиков не подействовали, крестьяне упрямо отвечали: «Берите все общество». В конце концов, было арестовано 12 человек, из которых 6 Харьковская судебная палата приговорила к тюремному заключению сроком до 16 месяцев, а 4 – к отправке в арестантские роты на срок до 3 месяцев [36, л. 8 об.]. Губернатор докладывал министру внутренних дел: «Когда 12 человек зачинщиков были арестованы, я вновь повторил обществу о том, что всякая собственность должна быть неприкосновенна, и что всякие самоуправства будут строго наказуемы» [36, л. 10 об.]. Какие бы то ни были притязания крестьян на помещичью собственность, проявление ими упорства и решительности вызывали серьезные опасения со стороны властей, они стремились подавить такие выступления в самом зародыше, не допуская распространения их влияния на широкую сельскую округу.

В пореформенный период стало постепенно меняться отношение крестьян к властям. Если раньше в отношениях господствовали боязнь и почитание, то теперь, отмечали современники, «детски-наивные представления о представителях власти исчезли», чиновники «страха прежнего не возбуждают» [16, л. 5; 36, л. 109]. Прежде крестьяне безропотно выполняли все их указания, а теперь «мужики с ними и говорить не хотят, – указывалось в документах III отделения, – еще того и гляди, что мужик схватит за ворот» [37, л. 4]. Нередко крестьяне отказывались выполнять требования чиновников, признавать вотчинную власть помещика, подчиняться мировым посредникам. В сельце Казанском Задонского уезда Воронежской губернии в конце марта 1861 г. крестьяне отказались выполнять повинности в пользу помещика, вышли «из повиновения к сельскому старосте», а на самовольных сельских сходах требовали, чтобы никто не выходил на работу [28, с. 36]. Крестьяне села Горожанка этого же уезда на полевые работы перестали выходить с апреля 1861 г. и отказывались признавать вотчинную власть помещика. Порядок в селе был восстановлен силами полиции [38, л. 13].

В период составления уставных грамот «настроение умов крестьян, – сообщал в мае 1862 г. земский исправник Путивльского уезда курскому губернатору, – и очень дурное, и буйное, и у них никакого уважения к властям, а, напротив, выказывается общее нежелание оказать сопротивление» [39, л. 7 об. – 8]. В сентябре 1862 г. жители слободы Ольховатки Острогожского уезда Воронежской губернии при подавлении волнения оказали явное неповиновение земской полиции, несмотря «на все убеждения и увещевания». Не признавая в лице полиции и местной администрации начальников, защищая свои интересы и права, крестьяне прямо заявляли, «что ни исправник, ни становой теперь им не начальники» [40, л. 5]. Такое неуважение мировой посредник в отношении губернскому присутствию расценивал, как «явление особенной важности, находя, что обыкновенные меры недостаточны для искоренения вредного духа, что здесь необходимы особые меры для

строжайшего внушения того уважения к власти земской полиции», каковой, по его мнению, она заслуживает [41, л. 6 об. – 7]. Аналогичный характер имело выступление в слободе Красной Новохоперского уезда, где в апреле 1863 г. около 3 тыс. бывших крепостных не приняли полевого надела, отказались от уплаты оброка, нанесли побои волостному старшине и старосте. «Явным неповиновением местным властям увлекают к тому же других крестьян соседних селений» [42, л. 24], – доносил министру юстиции уездный страпчий. На сходе, собранном местными властями, крестьяне с «дерзостью кричали: «Не хотим брать от помещика земли, не будем платить на нее оброка, и никакая сила не принудит пахать и сеять. Царь дал волю, даст и землю, и мы будем казенные» [42, л. 109]. Губернатор, прибывший в слободу Красную с двумя батальонами Азовского пехотного полка, восстановил порядок, наказав 40 человек.

Крестьяне Воскресенской волости Острогожского уезда Воронежской губернии в жалобе на имя императора от 30 августа 1862 г. писали, что и губернатор, и новые учреждения, созданные для реализации аграрной реформы 1861 г., отказываются удовлетворять их законные требования, занимаясь исключительно защитой помещичьих интересов. Даже когда «крестьянин совершенно просит по всей справедливости оказать ему содействие к хорошему и правому пути, – подчеркивалось в жалобе, – его все и во всем становятся виновным, и он никогда ни в чем не удовлетворяется» [43, л. 18 об. – 19 об.]. В крестьянской среде стали формироваться своего рода требования к наделенным полномочиями лицам: «занимаемая должность – это не лакомое блюдо, благодаря которому можно жиреть и наживаться, да тешить свое самолюбие, это крест, крест тяжелый, неся который, начальник и судья должны заботиться об уничтожении грез и слез среди подчиненных, забывая о счастии своем» [44, л. 5 об.].

Все чаще в документах эпохи фиксировались факты неповиновения указаниям полиции, земских начальников, волостных старшин. Так, на сельском сходе (296 чел.) в селе Круглом Козловского уезда Тамбовской губернии 2 июля 1895 г. земскому начальнику отказали в выдаче «ослушников», а затем прогнали его и избili ставшего на сторону начальства старосту [45, л. 1–1 об.]. Такое поведение крестьян свидетельствовало об их готовности к коллективному отстаиванию перед властями своих интересов. По имеющимся данным, в пореформенное сорокалетие в 4 центрально-черноземных губерниях произошло 54 выступления против полиции и местных властей. Воронежский губернатор в докладе министру внутренних дел от 19 мая 1899 г. вынужден был признать, что крестьяне «с неудовольствием и недоверием встречают всякие мероприятия местных властей, направленные к поддержанию в их среде порядка и законности» [46, л. 15].

Большое значение в деятельности людей имеет пример, оказывающий серьезное влияние на психологию масс и через нее на поступки. Сила примера непосредственно воздействовала на социальные чувства, эмоции и настроения. Внимательно следя за

тем, как развивались события в тех или иных селениях, жители соседних деревень готовы были поддерживать их. Так, в имении Белянцевой, помещицы Болховского уезда Орловской губернии крестьяне «не только отказались от работ, но и взволновали крестьян села Однолук и других деревень». У них, как писал 18 мая 1862 г. в III отделение штаб-офицер, «вкоренилось фантастическое убеждение, что вся земля должна им принадлежать безвозмездно» [47, л. 16, 16 об.]. Неслучайно вся окружающая местность ожидала, чем все это закончится.

Крестьяне села Крупицы Путивльского уезда Курской губернии отказывались принять уставную грамоту, «явившись в большом количестве (700 душ) и сделали дерзость» мировому посреднику, а другие села и деревни «во многих отношениях, – доносил он 24 марта 1862 г. губернатору, – смотрят на крупецких» [39, л. 1 об.].

Упорство крестьян в стремлении добиться выполнения своих целей становилось примером для окрестных селений. Так, жители села Красный Клин Дмитриевского уезда Курской губернии в ноябре 1867 г. «несмотря на все доводы и разъяснения, сохранили полнейшее убеждение в праве своем отказаться от обязательного выкупа земельных наделов», а «пример их подействовал на другие пять селений, которые тогда же и прекратили начатый взнос выкупных платежей». «Рациональная мера» (опись и продажа крестьянского имущества) ничего не дали. Крестьяне проявили понимание и солидарность: «на торги почти никто не явился, а потому и большая часть описанного имущества осталось непроданною» [27, с. 471]. Быстрые и решительные меры по предупреждению «вредных последствий этого упорства» потребовали ввести 2 роты пехоты по распоряжению П.А. Валуева, который на донесении губернатора от 24 ноября 1867 г. наложил резолюцию: «Командировать 2 или 3 роты солдат, так как вся Бычковская вол. смотрит на клинских как на своих руководителей» [27, с. 585]. Только под давлением военной силы крестьяне начали вносить выкупные платежи.

Сообщая о нападении крестьян села Черни на полицию, предводитель дворянства соседнего Дмитровского уезда в телеграмме орловскому губернатору от 7 июля 1888 г. прямо подчеркивал, что это «произвело удручающее впечатление на все население уезда». Он просил «спешного распоряжения для восстановления спокойствия. Иначе соседние крестьяне серьезно возбуждены» [48, л. 21–22]. А кромский предводитель дворянства с нескрываемым испугом предупреждал губернатора: «Если подобному крестьянскому самоуправству и неповиновению властям не положены будут пределы решительными и энергическими мерами, я не могу ручаться за спокойствие землевладения, так как захват чужой собственности одними крестьянами действует весьма заразительно на других» [48, л. 28 об.].

Оправдывая суровость мер при подавлении волнения в имении К.В. Рукавишника Темниковского уезда Тамбовской губернии, вице-губернатор в записке, подготовленной для МВД не позднее конца июля 1888 г., писал, что «дурной пример неуважения к законам, всегда в этих случаях заразительный,

отразился на поведении населения окрестного с вышеназванной местностью, по отношению к которому пришлось также принять энергические меры, давшие, впрочем, как своевременно принятые, вполне удовлетворительные и быстрые результаты» [49, л. 1 об.–2].

Антипомещичьи настроения в деревне имели преимущественно монархическую окраску. Большинство выступлений было направлено против помещиков, но не против императора: крестьяне в нем видели последнюю надежду на справедливое решение существующих проблем. Воронежский губернатор сообщал в министерство внутренних дел 19 октября 1861 г.: «Среди крестьян обнаруживается всеобщее убеждение, что обязательные их отношения к владельцам должны продолжаться только до истечения 2-х лет 19 февраля 1963 г., а после этого срока им будут даны земли без всяких с их стороны обязательств против помещиков» [13, л. 62–62 об.]. Крестьяне, говорилось в отчете III отделения за 1861 г., «не оставляют надежды на предоставление им правительством еще значительнейших льгот. Таковое настроение умов у крестьян нарушает между ними и землевладельцами согласие, столь необходимое при устройстве новых обоюдных их отношений» [50, с. 24]. И при этом «крестьянами постоянно выражалась непоколебимая вера в царскую волю» [50, с. 21].

Представления о добром и справедливом царе проявлялись в большинстве крестьянских поступков, а «мысль о новой воле глубоко вкоренилась во всех крестьянах» и «царь, – как было заявлено полиции в тамбовском имении графа Строганова в марте 1862 г., – все-таки даст землю рано или поздно безвозмездно» [51, л. 9]. Крестьяне слобод Щучьей и Переезжей Острогожского уезда Воронежской губернии в июле 1862 г. отказались подписать уставную грамоту, несмотря на многократные убеждения мирового посредника. Причина состояла не только в неприемлемых условиях, предложенных помещицей. В присутствии чинов земской полиции и мирового посредника они объявили, что «уставной грамоты признать не хотят, равно и все повинности, которые определены по уставной грамоте в пользу их помещицы, отбывать не будут, а ожидают по истечении двух лет для себя особой царской воли и милости» [28, с. 81]. Упорство крестьян села Ясырки Бобровского уезда, также не пожелавших принять уставной грамоты в сентябре 1862 г., основывалось на том убеждении, что 19 февраля 1863 г. все, которые «не примут никаких нововведений, получат непременно еще другие льготы, а те, которые пойдут на оброк, будут опять закрепощены на 49 лет» [52, л. 5].

Подобные настроения среди населения были распространены повсеместно. В феврале 1863 г. крестьяне Белгородского, Путивльского, Рылского, Старооскольского, Корочанского, Льговского, Щигровского, Курского, Новооскольского уездов, по сведениям, полученным курским губернатором от исправников, ждали «новой воли» [53, л. 61]. В донесении воронежскому губернатору жандармский офицер сообщал, что «вообще, в уездах Острогожском и Богучарском настроение умов временнообязанных крестьян одинаково; они всеми средствами стараются

уклоняться от проверки и приведения в действие уставных грамот до будущего февраля месяца, надеясь тогда получить от государя императора новых льгот и милостей, а разуверить их никакими объяснениями невозможно» [52, л. 5].

Власти старались в какой-то мере поддерживать в крестьянах веру в справедливого и заботливого царя. Воронежский губернатор не стал наказывать крестьян сл. Ольховатки, ходивших по поручению общества «в Петербург для подачи просьбы императору, и по возвращении толковавших весьма различно ответ, будто бы полученный ими» [27, с. 139]. Он объяснил это нежеланием «допустить мысли между крестьянами, что подача прошения государю императору ведет за собой наказание» [27, с. 139].

Вместе с тем в среде крестьян стали появляться и другие настроения. В октябре 1861 г. произошло волнение в сл. Кутки Новохоперского уезда Воронежской губернии, где крестьяне упорно сопротивлялись размежеванию земель и введению уставной грамоты. Мировой посредник говорил им, что они не могут выступать против свобод, дарованных царем-батюшкой, на что крестьяне отвечали: «Какой он нам отец, коли за нас не заступает, в нем панская кровь течет» [54, л. 2–4]. В итоге они были жестоко наказаны.

С годами новые настроения среди крестьян приобрели более широкий размах. В отчете помощника начальника воронежского ГЖУ от 25 декабря 1868 г. подчеркивалось, что «в последнее время в среде крестьян стали встречаться ужасные случаи оскорбления его величества. Эти преступления в прежнее время между крестьянами почти неслыханные», причем «преступники ускользают от судебного преследования, благодаря равнодушию, а иногда и укрывательству самих крестьян» [55, л. 26].

Для подавления крестьянского движения власти использовали самые решительные карательные меры, в том числе телесные наказания и военную силу. Применение телесных наказаний оказывало существенное влияние на сохранение старых черт в социальной психологии крестьян, унижало их человеческое достоинство. Право применять розги имели мировые посредники, волостные суды, временные отделения и в порядке экзекуции местные власти при подавлении волнений. В прошении царю крестьяне слободы Щучьей Острогожского уезда Воронежской губернии писали в сентябре 1862 г. о немилосердном наказании их «всех поголовно жестоко и бесчеловечно», так «что места, где производилась экзекуция, залиты были кровью, и 70–80-ти летних стариков отливали водой, и после того вновь наказывали» [28, с. 92; 56, л. 1 об.]. Наказание розгами было страшным не только как физическая расправа. Не меньшее значение имело моральное воздействие на психологию наказываемых, авторитет которых в семье и обществе падал, хотя и страдали они за «мир». Наказанные лишались выборных крестьянских должностей и не могли впредь их занимать. Вот почему, наказав розгами немногих, усмиряли сотни.

Немаловажное значение на обстановку в деревне и психологию крестьян оказывала деятельность крестьянских вожаков. Они подавали пример стойкости, твердости духа в отстаивании требований, стремились сплотить крестьян в единое целое, внести в

их среду элементы организованности, чтобы легче было добиваться выполнения поставленных целей. Всего за подстрекательскую деятельность в Центрально-Черноземных губерниях в пореформенный период, по неполным данным, на основании постановлений правительства было удалено из общества по суду 228 человек, в административном порядке 40 человек, наказано полицейскими мерами 427 человек. Большинство крестьянских руководителей являлись выходцами из собственной среды. Их требования выражали интересы основной массы крестьянства. В донесении мирового посредника Воронежского уезда губернатору от 14 сентября 1861 г. отмечалось, что «подстрекатели» поддерживают в крестьянах убеждение о неизбежности появления нового манифеста, «по которому крестьянам дается безвозмездно 8 десятин на душу, что дворовые все получают землю, и что те из них, которые пахут теперь, получают от помещиков дворы с полным хозяйственным устройством, а прислуга значительное денежное вознаграждение; что вся земля помещичья прирежется к земле государственных крестьян и вместе с их землею поступит в общий надел, причем помещику останется одна усадьба и приходящаяся на души его семейства земля или же, наконец, что земля разделится пополам между помещиками и крестьянами» [13, л. 50 об.–51]. Со временем содержание требований крестьянских вожаков менялось только по форме. Существо же их на протяжении пореформенных десятилетий оставалось неизменным, и в основном они касались аграрных вопросов.

Зафиксированы неоднократные случаи укрывательства, защиты крестьянами своих предводителей. В августе 1892 г. около 300 чел. Кукуевского общества Уразовской волости прибыли в г. Валуйки «для освобождения содержащихся в местной тюрьме двух односельчан своих, обвинявшихся в руководстве обществом при проводимых им беспорядках и насилии» [35, л. 11]. В с. Подвигаловке Кирсановского уезда Тамбовской губернии в январе 1895 г. пристав с урядником попытались задержать восьмерых крестьян, которые «издавна волнуют все общество против властей», но «лишь только они были посажены в сани, собралась толпа, отбросила урядника и сотских и освободила арестованных, крича, что она никого не даст в обиду, никого не боится» [57, л. 1–11]. В то же время часть крестьян, особенно занимавших выборные должности, могла стремиться выявить и представить вожаков начальству, памятуя о своем долге, о том, что за усердие могут поощрить и наградить.

С обострением социально-экономической обстановки в деревне значение крестьянских руководителей возрастало. На многие годы затянулась борьба крестьян деревни Федоровки Кирсановского уезда Тамбовской губернии. Считая своей собственностью 82 дес. пашни, они с 1894 г. стали пасти скот на этой территории. Все судебные инстанции до 1900 г. решили дело в пользу помещицы, но федоровцы заявили, что «до производства работ на спорной земле княгиню Барятинскую не допустят». Тогда 2 предводителя выступления, В. Цедиленков и Ф. Гаврюшкин, были арестованы на 7 дней и вынуждены были дать подписку «об устранении от всякого участия в

настоящем деле», однако не выполнили обещания и продолжали «смущать свое общество возбуждением от его имени разных несбыточных ходатайств» [58, л. 26–27, 37, 45 об.]. По просьбе губернатора министр внутренних дел запретил Цедиленкову проживание в Тамбовской губернии сроком на 1 год. Распоряжение осталось невыполненным, не позволили крестьяне. Деревня организовала конвой, который при появлении полиции созывал всю округу, и та, вооружившись кольями и топорами, не допускала никого до Цедиленкова. Лишь с помощью войск властям удалось его арестовать, а потом осудить на 3 года лишения свободы.

Местные власти опасались деятельности «подстрекателей», стремились пресечь ее в самом начале. Как показывает хроника выступлений, в большинстве волнений в той или иной мере проявлялась деятельность крестьянских вожаков. Там, где были руководители, выступления отличались особым упорством. Из 119 волнений, о которых есть сведения о том, что имелись вожаки, с помощью военной силы было подавлено 77. Основную массу руководителей составляли выходцы из крестьянской среды. За подстрекательство к неповиновению и беспорядкам в 1861–1900 гг. в Центральном Черноземье были наказаны 661 крестьянин, 11 чиновников и мещан, 10 отставных солдат, 13 священнослужителей [59, с. 304, 306]. Руководители крестьянских выступлений играли важную роль в жизни крестьян, оказывая существенное влияние на их психологию и общественную активность.

Выводы

Отмена крепостного права оказала огромное влияние на изменения, происходившие в социальной психологии российского крестьянства. Вчерашние крепостные оказывались вовлеченными в обсуждение нормативных актов, в разработку механизмов реализации реформы в конкретных населенных пунктах, в принятие важных решений, касающихся ближайшего и отдаленного будущего самих себя, своих семей, обществ. Помимо аграрной реформы стали осуществляться и другие преобразования, так или иначе коснувшиеся многомиллионного крестьянства, затронувшие важные сферы жизни общества (местное самоуправление, правосудие, армия, образование и т.д.). Под влиянием столь масштабных и быстрых перемен в пореформенную эпоху стал наблюдаться рост крестьянского самосознания, обнаруживалось стремление к равноправным свободным отношениям, неприятие поведения, унижающего чувство собственного достоинства. Бросалось в глаза исчезновение в людях былой всемерной покорности. Крестьяне постепенно порывали с покорностью перед начальством и помещиками, что усиливало остроту социальных отношений в пореформенной деревне, нередко требовало вмешательства властей, применения сил полиции и армии.

Конфликт интересов

Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Библиографический список

1. Литвак Б.Г. О некоторых чертах психологии русских крепостных первой половины XIX в. // История и психология. М., 1971.
2. Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного возрождения. М., 1988.
3. Крамник В.В. К вопросу о психологическом аспекте политических движений // История и психология. М., 1971.
4. Сваране М.А. Социальная психология латышских крестьян в период развития капитализма (30–60-е годы XIX века // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1970 г. Рига, 1977.
5. Дружинин Н.М., Федоров В.А. Крестьянское движение в России в XIX веке // История СССР. 1977. № 4.
6. Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. М., 1980.
7. Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991; Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000.
8. Фурсов В.Н. Крестьянское движение в Воронежской губернии в 60–70-е годы XIX века (социально-психологические аспекты). Воронеж, 1984.
9. Земцов Л.И. Волостной суд в России 60-х – первой половины 70-х годов XIX века (по материалам Центрального Черноземья). Воронеж, 2002.
10. Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М.-Тамбов, 2004.
11. Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания. М., 2008.
12. Государственный архив Тамбовской области (далее – ГАТО). Ф. 26. Оп. 1. Д. 1017.
13. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. И-26. Оп. 1. Д. 122.
14. Астырев Н. В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. М., 1896.
15. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 109. 4 эксп. 1861 г. Д. 212.
16. ГАРФ. Секретный архив. Оп. 3. Д. 2083.
17. ГАВО. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 109.
18. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 68. Оп. 4. Д. 379.
19. ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп., 1869 г. Д. 5. Ч. 41.
20. ГАРФ. Ф. 109. 4 эксп., 1872 г. Д. 99.
21. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1291. Оп. 53. 1871 г. Д. 111, 160; ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп., 1871 г. Д. 141.
22. ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 301.

23. ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 250.
24. ГАРФ. Ф. 102. Департамент полиции, 3 делопроизводство, 1899 г. Д. 1. Ч. 40 «В».
25. Крестьянское движение в России в 1890–1900 гг. М., 1959.
26. Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права. Донесения светских генералов и флигель-адъютантов, губернских прокуроров и уездных стряпчих. М.-Л., 1949. Ч. 1–2.
27. Крестьянское движение в России в 1861–1869 гг. М., 1964.
28. Крестьянское движение в Воронежской губернии в 1861–1863 гг. Воронеж, 1961.
29. ГАРФ. Ф. 109. 4 эксп., 1864 г. Д. 191.
30. Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг. М., 1968.
31. РГИА. Ф. 1291. Оп. 53. 1871 г. Д. 102.
32. ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3536.
33. ГАРФ. Ф. 102. Департамент полиции, 2 делопроизводство, 1886 г. Д. 158. Ч. 15.
34. Крестьянское движение в России в 1881–1889 гг. М., 1960.
35. ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 82.
36. ГАРФ. Ф. 102. ДП. 3 д-во. 1899 г. Д. 1. Ч. 81 «В».
37. ГАРФ. Секретный архив. Оп. 3. Д. 2044.
38. ГАВО. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 13.
39. ГАКО. Ф. 68. Оп. 2. Д. 151.
40. ГАРФ. Ф. 109. 4 эксп. 1862 г. Д. 197.
41. ГАВО. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 12.
42. РГИА. Ф. 1405. Оп. 61. Д. 4692.
43. РГИА. Ф. 1291. Оп. 1. Д. 160.
44. ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 141.
45. ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4553.
46. ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 299.
47. ГАРФ. Ф. 109. 4 эксп. 1862 г. Д. 213.
48. Государственный архив Орловской области. Ф. 580. Ст. 1. Д. 2894.
49. ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3535.
50. Крестьянское движение 1827–1869 гг. Вып. 2. М., 1931.
51. ГАТО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 1015.
52. ГАВО. Ф. И-26. Оп. 2. Д. 102.
53. РГИА. Ф. 1181. Оп. Т. XV. 1863 г. Д. 16.
54. ГАВО. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 163.
55. ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1869 г. Д. 5. Ч. 25.
56. РГИА. Ф. 1291. Оп. 1. 1863 г. Д. 135.
57. ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4550.
58. ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5119.
59. Фурсов В.Н. Крестьянское движение в Центрально-Черноземных губерниях России в 60–90-е гг. XIX в. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 1991.

References

1. Litvak, B.G. (1971) On some features of the psychology of Russian serfs in the first half of the 19th century. In: *Istoriya i psikhologiya*. Moscow. (in Russian)
2. Kabytov, P.S., Kozlov, V.A., Litvak, B.G. (1988) *Russkoe krest'yanstvo: etapy dukhovnogo vrozhdeniya* [Russian peasantry: stages of spiritual revival]. Moscow. (in Russian)
3. Kramnik, V.V. (1971) K voprosu o psikhologicheskom aspekte politicheskikh dvizhenii [To the question of the psychological aspect of political movements]. *Istoriya i psikhologiya*. Moscow. (in Russian)
4. Svarane, M.A. (1970) Social psychology of Latvian peasants during the development of capitalism (30-60s of the 19th century). In: *Ezhegodnik po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy*. Riga. (in Russian)
5. Druzhinin, N.M., Fedorov, V.A. (1977) Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii v XIX veke [Peasant movement in Russia in the 19th century]. *Istoriya SSSR*. (4). (in Russian)
6. Anfimov, A.M. (1980) *Ekonomicheskoe polozhenie i klassovaya bor'ba krest'yan Evropeiskoi Rossii* [The economic situation and the class struggle of the peasants of European Russia]. Moscow. (in Russian)
7. Gromyko, M.M. (1991) *Mir russkoi derevni* [The world of the Russian village]. Moscow; Gromyko, M.M., Baganov, A.V. (2000) *O vozzreniyakh russkogo naroda* [About the views of the Russian people]. Moscow. (in Russian)
8. Fursov, V.N. (1984) *Krest'yanskoe dvizhenie v Voronezhskoi gubernii v 60–70-e gody XIX veka (sotsial'no-psikhologicheskie aspekty)* [Peasant movement in the Voronezh province in the 60-70s of the XIX century (social and psychological aspects)]. Voronezh. (in Russian)
9. Zemtsov, L.I. (2002) *Volostnoi sud v Rossii 60-kh – pervoi poloviny 70-kh godov XIX veka (po materialam Tsentral'nogo Chernozem'ya)* [Vostok court in Russia in the 60s – the first half of the 70s of the XIX century (based on materials from the Central Chernozem region)]. Voronezh. (in Russian)
10. Bezgin, V.B. (2004) *Krest'yanskaya povsednevnost' (traditsii kontsa XIX – nachala XX veka)* [Peasant everyday life (traditions of the late XIX – early XX century)]. Moscow-Tambov. (in Russian)

11. Sukhova, O.A. (2008) *Desyat' mifov krest'yanskogo soznaniya* [Ten myths of peasant consciousness]. Moscow. (in Russian)
12. *Gosudarstvennyi arkhiv Tambovskoi oblasti* (dalee – GATO) [State Archive of the Tambov Region]. F. 26. Op. 1. D. 1017.
13. *Gosudarstvennyi arkhiv Voronezhskoi oblasti* (dalee – GAVO) [State Archive of the Voronezh Region]. F. I-26. Op. 1. D. 122.
14. Astyrev, N. (1896) *V volostnykh pisaryakh. Ocherki krest'yanskogo samoupravleniya* [In the volost clerks. Essays on peasant self-government]. Moscow. (in Russian)
15. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* (dalee – GARF) [State Archive of the Russian Federation]. F. 109. 4 eksp. 1861 g. D. 212.
16. GARF. Sekretnyi arkhiv. Op. 3. D. 2083.
17. GAVO. F. I-26. Op. 1. D. 109.
18. *Gosudarstvennyi arkhiv Kurskoi oblasti* (dalee – GAKO) [State Archive of the Kursk Region]. F. 68. Op. 4. D. 379.
19. GARF. F. 109. 1 eksp., 1869 g. D. 5. Ch. 41.
20. GARF. F. 109. 4 eksp., 1872 g. D. 99.
21. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* (dalee – RGIA) [Russian State Historical Archive]. F. 1291. Op. 53. 1871 g. D. 111, 160; GARF. F. 109. 3 eksp., 1871 g. D. 141.
22. GAVO. F. I-6. Op. 1. D. 301.
23. GAVO. F. I-6. Op. 1. D. 250.
24. GARF. F. 102. Departament politsii, 3 deloproizvodstvo, 1899 g. D. 1. Ch. 40 «V».
25. *Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii v 1890–1900 gg.* (1959) [Peasant movement in Russia in 1890–1900]. Moscow. (in Russian)
26. *Krest'yanskoe dvizhenie v 1861 godu posle otmeny krepostnogo prava. Doneseniya svetskikh generalov i fligel'-ad'yutantov, gubernskikh prokurorov i uездnykh stryapchikh* (1949) [Peasant movement in 1861 after the abolition of serfdom. Reports of secular generals and aide-de-camp, provincial prosecutors and county solicitors]. Moscow, Sankt-Petersburg, vol. 1–2. (in Russian)
27. *Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii v 1861–1869 gg.* (1964) [The Peasant Movement in Russia in 1861–1869]. Moscow. (in Russian)
28. *Krest'yanskoe dvizhenie v Voronezhskoi gubernii v 1861–1863 gg.* (1961) [Peasant movement in the Voronezh province in 1861–1863]. Voronezh. (in Russian)
29. GARF. F. 109. 4 eksp., 1864 g. D. 191.
30. *Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii v 1870–1880 gg.* (1968) [Peasant movement in Russia in 1870–1880]. Moscow. (in Russian)
31. RGIA. F. 1291. Op. 53. 1871 g. D. 102.
32. GATO. F. 4. Op. 1. D. 3536.
33. GARF. F. 102. Departament politsii, 2 deloproizvodstvo, 1886 g. D. 158. Ch. 15.
34. *Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii v 1881–1889 gg.* (1960) [The Peasant Movement in Russia in 1881–1889]. Moscow. (in Russian)
35. GAVO. F. I-6. Op. 1. D. 82.
36. GARF. F. 102. DP. 3 d-vo. 1899 g. D. 1. Ch. 81 «V».
37. GARF. Sekretnyi arkhiv. Op. 3. D. 2044.
38. GAVO. F. I-26. Op. 1. D. 13.
39. GAKO. F. 68. Op. 2. D. 151.
40. GARF. F. 109. 4 eksp. 1862 g. D. 197.
41. GAVO. F. I-26. Op. 1. D. 12.
42. RGIA. F. 1405. Op. 61. D. 4692.
43. RGIA. F. 1291. Op. 1. D. 160.
44. GAVO. F. I-6. Op. 1. D. 141.
45. GATO. F. 4. Op. 1. D. 4553.
46. GAVO. F. I-6. Op. 1. D. 299.
47. GARF. F. 109. 4 eksp. 1862 g. D. 213.
48. *Gosudarstvennyi arkhiv Orlovskoi oblasti* [State Archive of the Orel Region]. F. 580. St. 1. D. 2894.
49. GATO. F. 4. Op. 1. D. 3535.
50. *Krest'yanskoe dvizhenie 1827–1869 gg. Vyp. 2* (1931) [Peasant movement 1827–1869]. Moscow. (in Russian)
51. GATO. F. 26. Op. 1. D. 1015.
52. GAVO. F. I-26. Op. 2. D. 102.
53. RGIA. F. 1181. Op. T. XV. 1863 g. D. 16.
54. GAVO. F. I-26. Op. 1. D. 163.
55. GARF. F. 109. 1 eksp. 1869 g. D. 5. Ch. 25.
56. RGIA. F. 1291. Op. 1. 1863 g. D. 135.
57. GATO. F. 4. Op. 1. D. 4550.
58. GATO. F. 4. Op. 1. D. 5119.

59. Fursov, V.N. (1991) *Krest'yanskoe dvizhenie v Tsentral'no-Chernozemnykh guberniyakh Rossii v 60–90-e gg. XIX v.* Diss. d-ra ist. nauk [Peasant movement in the Central Black Earth provinces of Russia in the 60–90s. 19th century. Dr. histor. sci. diss.]. Moscow. (in Russian)

Поступила в редакцию 30.01.2023
Подписана в печать 28.03.2023

Original article

UDC 94

DOI 10.47438/2309-7078_2023_1_120

**EVOLUTION OF SOCIAL PSYCHOLOGY OF THE PEASANTRY
OF THE CENTRAL BLACK EARTH REGION IN THE POST-REFORM PERIOD**

Ivan A. Perepelitsyn¹, Vladimir N. Fursov²

*Voronezh State Pedagogical University^{1, 2}
Voronezh, Russia*

¹*Postgraduate Student of the Department of History of Russia,
tel.: (473) 255-06-67, e-mail: iap98@mail.ru*

²*Dr. Histor. Sci., Professor, Professor of the Department of Russian History,
tel.: (473) 255-06-67, e-mail: fursow1949@mail.ru*

Abstract. The article contains a description of the changes that took place in the social psychology of the Russian peasantry in the 60–90s. of the 19th century. It is shown that socio-psychological factors played a significant role in peasant everyday life and behavior. Against the background of the preservation of the importance of spontaneity and unconsciousness in the moods and actions of the peasants, belief in a good tzar, in the post-reform period, there was an increase in peasant self-awareness, a desire was found to collectively protect their own interests using legal and illegal methods, a demand was put forward for equal free relations, a rejection of actions was expressed, offending the self-esteem of the peasants. Among the peasants, leaders began to emerge who had authority and were able to lead open forms of protest.

Key words: Russian peasantry, social psychology, post-reform period, agrarian history, peasant studies.

Cite as: Perepelitsyn, I.A., Fursov, V.N. (2023) Evolution of social psychology of the peasantry of the Central Black Earth region in the post-reform period. *Izvestia Voronezh State Pedagogical University.* (1), 120–130. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: 10.47438/2309-7078_2023_1_120

Received 30.01.2023

Accepted 28.03.2023